

ЕВГЕНИЙ
КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК
БЛИЖНИЙ КРУГ

БЛИЖНИЙ КРУГ
СТЕЗЯ И МЕСТО
БОГАМ — БОЖЬЕ,
ЛЮДЯМ — ЛЮДСКОЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «БФ-коллекция»

Оформление *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Красницкий, Евгений Сергеевич

К78 Отрок. Ближний круг: Ближний круг. Стезя и место. Богам — божье, людям — людское: сборник. / Евгений Красницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 960 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-117740-9

Место и роль — альфа и омега самоидентификации, отправная точка всех планов и расчетов. Определяешь правильно — есть надежда на реализацию планов. Определяешь неверно — все рассыпается, потому что либо в глазах окружающих ты ведешь себя «не по чину», либо для реализации планов не хватает ресурсов. Не определяешь вообще — становишься игрушкой в чужих руках, в силу того, что не имеешь возможности определить: правильные ли к тебе предъявляются требования и сильные ли ты ставишь перед собой задачи.

Жизнь спрашивает без скидок и послаблений. Твое место — несовершеннолетний подросток, но ты выступаешь в роли распорядителя весьма существенных ресурсов, командира воинской силы, учителя и воспитателя сотни отроков. Если не можешь отказаться от этой роли, измени свое место в обществе. Иного не дано!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117740-9

© Евгений Красницкий, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

БЛИЖНИЙ КРУГ

ЧАСТЬ 1

*Конец июня – начало июля 1125 года.
Село Ратное и окрестности, база Младшей стражи*

Глава 1

Когда стало понятно, что Мишка пошёл на поправку, сотник Корней организовал для внука возможность «работать языком». Первым «на прием» явился Стерв. Мишка не только уважал его как великолепного профессионала, умеющего передать свои знания молодежи, но и просто симпатизировал ему как человеку. Из-за этого ему было несколько неловко называть охотника кличкой, неблагозвучной для уха человека XX века, но родового имени Стерва он, естественно, не знал, а от христианского Евстратий сам охотник кривился, как от зубной боли.

И ничего с этим не поделаешь — к крещению Стерв отнесся, как к неизбежному злу, в церковь ходил, как солдат в наряд; не скрываясь, носил на себе языческие амулеты и обереги и, в довершение ко всему, имел двух жен. Старшая жена — мать Якова — была сестрой тетки Татьяны, а младшую жену Стерв не то что не сосватал, а даже и не купил, получив в придачу к оплате за убийство медведя-людоеда в каком-то очень дальнем лесном селении.

По понятиям ратнинцев, вторая жена Стерва была холопкой, но, когда отец Михаил потребовал от охотника обвенчаться с первой женой, тот вознамерился поступить как раз наоборот — обвенчаться с младшей. Свои действия он объяснил сотнику Корнею, со своей точки зрения, вполне логично: «Вея и так жена, все это знают, а Неключу за холопку держат. Пусть Неключу тоже женой будет, да и имя сменить надо, больно неподходящее»¹.

Мишка здорово подозревал, что сделал такой выбор Стерв исключительно из чувства противоречия, та же мысль, видимо, закралась и в голову отца Михаила. Венчать Стерва с младшей женой он отказался, заявив, что сие будет нарушением таинства брака и пощрением блуда.

¹ От древнеславянского «неключимый» — бесполезный.

Так и остался Стерв официальным холостяком при двух женах. Яков, насколько понимал Мишка, к двоеженству отца относился совершенно спокойно, обе жены — тоже. Дед же, для виду посердившись, в конце концов заявил, что пути Господни неисповедимы и, рано или поздно, Господь лишнюю жену сам приберет, тогда и понятно станет, с кем надо венчаться.

Нынче Стерв пришел к Мишке по вопросу, вызывавшему у старшины Младшей стражи великую досаду вследствие непонимания причин происходящего: снятие дозора с берега болота, через которое уходили «люди в маскхалатах», ввиду полной бесполезности дальнейшего несения дозорной службы.

* * *

Еще в конце мая Мишка решил связаться с предшественником, в существовании которого был твердо убежден. Для этого он велел Якову развесить на ветках засохших деревьев, стоявших на болоте поодаль от берега, несколько дощечек с одним и тем же текстом. Того, что кто-нибудь прочтет написанное, Мишка не опасался. Во-первых, потому, что грамотные люди XII века писали и, естественно, читали «уставом», то есть в понятиях XX века «по-печатному». Мишка же написал свой текст «по-письменному», украсив буквы, для затруднения восприятия, многочисленными хвостиками и завитушками. Во-вторых, даже если бы и нашелся умник, сумевший разобрать написанное, смысла он все равно не понял бы, потому что текст был таким:

«Центр — Штирлицу. Необходим контакт. Время и место — на Ваш выбор. Сигнал — эта табличка на дереве в виду населенного пункта Р.».

Якову, недоуменно рассматривавшему таблички, Мишка объяснил, что это наговор на тот случай, если люди, приходящие через болото, знают с нечистой силой.

Начало было обнадеживающим — менее чем через неделю две таблички с деревьев исчезли. А потом... Ответ оказался совершенно не таким, на который рассчитывал Мишка, как, впрочем, и не таким, какой собирался дать предшественник.

Заставу на болоте попытались уничтожить. Спасли ребят только охотничье искусство Стерва и здравомыслие Первака, чей десяток нес дежурство в ту ночь. Ночь выдалась дождливой и ветреной. Первак совершенно правильно рассудил, что часовые в такую погоду ничего не увидят и не услышат, сами же очень легко могут быть либо захвачены, либо убиты. Поэтому с наступлением темноты десятник

собрал всех ребят в землянке, вырытой в стенке небольшого овражка, и насторожил приготовленные Стервом ловушки.

Под утро, когда начал стихать дождь, часовой услышал тупой удар, и сверху, почти ему на голову, свалился человек, сбитый с края оврага подвешенной на ремне колодой. Выглянув из-под навеса, парень различил наверху бледное пятно лица еще одного человека и, не раздумывая, выстрелил из самострела. То ли парню повезло, то ли учение пошло впрок, но он попал, и сверху грохнулся второй труп. Одновременно у входа в овражек раздался крик еще одного из нападавших, придавленного обрушившимся сверху бревном.

Выскочившие из землянки на крик и шум ратники Младшей стражи лупили спросонья во все стороны из самострелов до тех пор, пока Первак не приказал прекратить это бесполезное занятие, а потом сидели настороже до самого рассвета.

Утром послали гонца в Ратное, а сами осторожно осмотрели местность, но ничего, кроме трех трупов, не обнаружили. Прибывшие Стерв с Яковом оказались более удачливыми в поисках. Обшарив берег болота, они отыскивали сложенные в кучку шесть заплечных мешков. Очевидно, нападавшие перед атакой освободились от лишнего груза, а потом так торопились убраться восвояси, что бросили свои вещички.

Сколько было нападавших — шесть, по числу брошенных мешков, или больше, определить не удалось: дождь смыл все следы. В мешках тоже ничего особенного не нашлось, кроме одного — Мишкиной таблички с написанным на обратной стороне ответом. Мишка прочел ответ, и ему тут же захотелось что-нибудь сломать, разбить, а еще лучше кого-нибудь убить. Смысл набора примитивной матерщины с грамматическими ошибками сводился к простой мысли: «С тобой и с Нинеей будет то же самое».

Разумеется, автор не имел в виду, что Мишка с Нинеей будут лежать в вещмешке на берегу болота, послание, скорее всего, предполагалось оставить на трупах дозорного десятка, но события пошли по иному сценарию.

Пережив первый приступ ярости и недоумения, Мишка принялся более тщательно исследовать «послание». Обратную сторону дощечки, перед тем как сделать надпись, очень тщательно ошкурили, возможно, даже отполировали. После того как текст был написан, дощечку, для большей сохранности написанного, покрыли прозрачным лаком.

Сама надпись была сделана чернилами, по всей видимости, гусиным пером или чем-то, на гусиное перо похожим. Почерк был ужасным — то ли пьяный писал, то ли руки тряслись, то ли и то, и другое

вместе. Знаков препинания не было вообще, в нескольких словах были пропущены или не дописаны буквы, а имя Ниня написано с маленькой буквы и через «е» — нения. Заканчивался текст и вообще невнятно: «и запми падла». «Запми», видимо, означало «запомни», только что предлагалось запомнить? Текст на этом обрывался, хотя места хватало еще на несколько предложений.

Налицо вопиющий диссонанс: текст по содержанию и исполнению соответствовал настенным надписям в общественном туалете, а обработка дощечки — хорошей мебельной мастерской.

Мысленно помянув мистера Шерлока Холмса, эсквайра, Мишка попытался подвести итог своим наблюдениям.

«Итак, автор «послания», несомненно, ваш, сэр, современник по ТОЙ жизни. Никто из ЗДЕШНИХ ни прочесть, ни написать ничего подобного не смог бы. Значит, предшественник нашелся и сам подтвердил свое существование. Джаст э момент, сэр Майкл! А почему, собственно, предшественник? Может же быть и последователь! Что с того, что вы «посылочку» еще не отправляли? Отправите еще, какие ваши годы?»

В какой бы момент вашей жизни, сэр, и с какой бы периодичностью «посылочки» ни отправлялись, все они будут получены одновременно, потому что для адресата все моменты отправки находятся в прошлом. Так археолог может обнаружить в один день захоронения разных веков и даже тысячелетий. Просто они лежали в земле и ждали, пока их откопают. Одно чуть дольше, другое чуть меньше. Если же к вам заявился следующий «засланец», то, значит, «посылочки» вы отправляли (вернее, отправите), хотя до этого момента вы еще не дожили. Это, конечно, приятно — иметь гарантию, что проживешь еще долго — до отправки «посылочки», но... Увы, все-таки предшественник, а не последователь.

Последователь наверняка знал бы о вас, искал бы встречи, а не матерился, грозясь зарезать. А предшественник... Как там Максим Леонидович говорил? «Умер, утратил возможности, передумал». Что не умер — понятно. Утратил возможности? Ну уж нет! Посылает разведгруппы, варит стекло, хоть и посредственного качества, может приказать отполировать дощечку для письма, ну и прочее.

Значит, передумал, а ваше, сэр, появление стало для него неприятным сюрпризом. Почему? Другой бы на его месте обрадовался. Реакция его на ваше послание не была скоропалительной, имел он время подумать, пока дощечку полировали. И такое резкое неприятие!

Нет, хватит гадать, попробуем собрать все, что о нем известно, и составить, хотя бы в первом приближении, его портрет, как это Шерлок Холмс делал: по одной трости, или часам, или шляпе... У вас

же, сэр Майкл, кроме дощечки есть еще и куча побочной информации. Начнем-с.

Пол. Разумеется, мужской. Гарантировать, конечно, нельзя, но все действия предшественника и текст письма несут на себе отпечаток именно мужской психологии. Какой бы крутой оторвой баба ни была, все равно все выглядело бы несколько иначе.

Возраст. Не пацан вроде вас, это точно. У него в подчинении вполне взрослые мужики, налажено какое-то производство и обучение военному делу, проводится какая-то политика, не просто так ведь он людей к себе собирает. Да и послание ваше, сэр, отнесли именно ему, а потом принесли от него же ответ. Совершенно однозначно: взрослый, дееспособный по ЗДЕШНИМ меркам мужик, «первое лицо» в местной иерархии. Вселялся он, так же как и вы, в детское тело, значит, ЗДЕШНИЙ его возраст минимум лет на десять—пятнадцать больше, чем ваш.

Место жительства. Разгромленное ратнинской сотней языческое капище... Когда ж это случилось-то? Дед говорил, что Лавру было года два, значит, чуть больше тридцати лет назад. Разгромленное тридцать лет назад языческое капище, находящееся к югу или юго-западу от Ратного.

Интересно, «вселение» произошло именно там или предшественник перебрался на это место позже? Вообще-то маловероятно: два «засыла» — и оба в одну и ту же местность. Правда, разброс по времени... Стоп! А если он «вселился» не там? Тогда, чтобы перебраться на новое место и захватить там лидирующие позиции, надо было уже быть взрослым. Значит, он может быть еще старше, чем вы сначала решили.

Должность, род занятий. А вот это интересно! Границу между реальностью и виртуальностью он сечет не хуже вас, сэр Майкл, а следовательно, в священном для язычников месте запросто мог сделать карьеру волхва! Особенно если принес с собой ОТТУДА кое-какие полезные знания.

Кем же вы, уважаемый предшественник, были ТАМ? Первое, что приходит в голову — военный. Специфически, сообразно требованиям обстановки, обученный «спецназ», диверсионно-разведывательная деятельность, маскхалаты... Да и от эпистолярного жанра крепенько несет казармой. Это — серьезно. Если его угрозы не пустой звук и если народу он вокруг себя собрал достаточно, события могут принять весьма крутой оборот».

Так вот и закончилась первая попытка Мишки установить контакт с предшественником. Было это в конце мая, а сейчас, месяц спустя, Стерв предлагает снять заставу на болоте.

— Месяц уже, как никто через болото не шастал, старшина, нет смысла дальше стеречь, — спокойно объяснял Мишке Стерв, сидя возле его постели. — Не придут они больше. Я, было дело, опасался, что заявятся большой силой, даже показал ребятам, как незаметно уйти оттуда можно, но милостивы светлые боги, не довелось.

— Что ж, дядька Стерв, они совсем от нас отступились?

— Не думаю. Скорее всего, другой путь у них есть. Более дальний, чем-то неудобный, но есть.

— Неужели бояться? Пацанов-то?

— Вроде бы не должны, — Стерв задумчиво потеревбил кончик бороды. — По-дурачки у них все как-то в последний раз вышло. Должны же были подумать, что ловушки могут быть. И сбежали, как дети напуганные, даже мешки бросили. Как-то оно все, — охотник шаркнул по полу подошвой, словно гасил окуроч, и почесал поясницу, — не так! Не должно так быть! — Стерв помолчал, задумавшись, и наконец нашел подходящее сравнение. — Зверь так уходит. К примеру, волк подбирается к стаду, и тут его замечают: собака там или пастух. Тут он сразу же в бега и ударяется, хотя мог бы и с собакой справиться, и пастухи... тоже всякие бывают. Но там-то не звери — люди, да еще и воины!

— Значит, все-таки боялись, — сделал вывод Мишка. — Может быть, не пацанов, а Нинеи? Застава-то на ее земле стояла.

— А что? Может быть! — сразу же оживился Стерв. — Ночь, дождь, ветер! Идут по земле Великой волхвы, для того чтобы ей навредить... Дозорных на привычных местах не нашли, ничего не понятно. Жуть! И вдруг: бух, трах! Одного колодой в овраг сшибает, другого из самострела, третий орет, бревном придавленный... Тут не то что мешок — портки оставишь!

«М-да, не позавидуешь мужикам, прямо фильм ужасов какой-то. Так и бывает: «Паны дерутся — у холопов чубы трещат». Один волхв посылает людишек против другого, и неизвестно, который из них сильнее... Стоп, стоп, стоп! Как он Нинею назвал?»

— Дядька Стерв, ты сказал: «Великая волхва»?

— Чего? — Стерв придурковато вытаращился на Мишку. — Чего сказал?

— Ты назвал Нинею Великой волхвой. Чем волхва Великая отличается от обычной?

— Так кто ж знает? — Стерв ухватился за какой-то мешочек, подвешенный к поясу, и принялся сосредоточенно соскребывать с него ногтем пятнышко. — Может, она и не Великая вовсе. Люди болтают, языки без костей.

— А что бывает, если два волхва между собой схватятся?
— Откуда ж мне знать? — Стерв пожал плечами. — Это у волхвов надо и спрашивать.

«Все, закрылся. Теперь ничего не добьешься. Ладно, попробуем по-другому».

— Дядька Стерв, помнишь дощечки, которые я на деревьях развесить велел?

— Ну, — случайно оговорившийся охотник стал настороженно немногословным.

— А потом одну из этих дощечек нашли в брошенном мешке.

— Нашли, было дело.

— Так вот: на другой стороне той дощечки, в ответ на мой разговор, было написано заклятие, — Мишка в упор уставился одним глазом в лицо Стерву. — И в заклятии том Нинея помянута.

— И что?

— Смертью ей грозят. Не от ведовства, а от людей — от обычного оружия.

— Э-э! Обычным оружием ее не возьмешь! — Стерв облегченно вздохнул и беспечно махнул ладонью. — Простые люди к ней и близко не подойдут, не допустит.

— А издалека? Стрелу с огнем, к примеру, в дом бросить?

— Не-а! Не выйдет ничего! — Уверенность охотника во всемогуществе Нинеи была непоколебима. — Не допустит она. Я, конечно, не знаю, но, может быть, и с десятком Первака так все обошлось, потому что она за ребятишками приглядывала.

«Безнадежно. У Нинеи непоколебимый авторитет. Стерв даже имя волхвы вслух произносить избегает — “она”, “ее”. Что ж делать-то? Зарежут же бабу и внучат не пожалеют. Вот тебе и “обратная сторона медали”».

— Значит, дядька Стерв, не будем Нинеину весь охранять? С болота дозор снимаем и никуда не ставим?

— Да зачем? Если она не захочет, никто и близко подойти не сможет.

— К наставнице ее Яге подошли. Пришли князьи дружинники с попами и убили.

— Так то — с попами, — уверенности в голосе Стерва поубавилось, он ёрзнул на лавке и беспокойно огляделся, как будто в горнице мог кто-то прятаться. — Попы, они, конечно... Да еще если не один... — охотник запнулся и вдруг посветлел лицом. — Не! Не ползет к ней твой тезка! Мне рассказывали: он раз уже к ней сунулся, так чуть живого обратно привезли. Беяна — подружка ее — умолила до смерти не убивать.

«Вот те на! А меня-то там вообще не было, что ли? Чудны дела твои, Господи, в информационном пространстве!»

— Ну хорошо, господин наставник воинской школы, а если Ниня сама повелит?

— Сама? Да зачем ей?

— Гредислава Всеславна не только волхва, но еще и боярыня древнего рода, — Мишка постарался уловить реакцию Стерва на это известие. Реакции не было, значит, знал. — Мы же не только воинская школа, но и боярская дружина боярыни. Пристало ли будущим воинам за спину старухи прятаться? Пристало ли боярской дружине боярыню свою не охранять?

— Гм. Это, конечно... И для учебы полезно...

Стерв снова поскреб поясницу и решительно заявил:

— Завтра же пойду места для дозорных выбирать.

— Э нет, господин наставник, один раз ты уже выбрал.

— Что? Плохо выбрал?

— Я не об этом. Ребят учить надо. Прикажи всем десятникам самим места для дозорных выбрать. Потом пусть каждый тебе выбранные места покажет и объяснит, почему выбрал именно так, а не иначе. А ты ему его ошибки укажешь.

— Точно! Так и сделаю! Будь спокоен, старшина, все устроим, как надо!

«Ну что ты будешь делать! Только решил, что, будучи «реалистом», можно крутить ЗДЕШНИМИ людьми, как заблагорассудится, и нате вам! Успех достигнут при переходе совсем в иную область понятий — сословную. Средневековье? Разумеется, сэр, но не так-то все просто. Единого рецепта для индивидуальной работы в любых обстоятельствах все же не существует. Что ТАМ, что ЗДЕСЬ. Для массового сознания есть, а для отдельной личности нет. Потому-то она личностью и называется. Когда же личность растворяется в массе... М-да!»

Сразу же после ухода Стерва пожаловал второй посетитель. С «отчетом о проделанной работе» явился старшина плотницкой артели Сучок.

Во Христе плотницкий старшина звался Кондратием Епифаньичем, что само по себе было удивительным, поскольку родом он был из какого-то лесного рязанского захолустья, и поверить, что в краю мещерских колдовских болот имеются люди, являющиеся христианами уже во втором поколении, было трудно. Прозвище же Сучок подходило ему как нельзя более.

Во-первых, бригадир плотников. Во-вторых, был Сучок телосложением мелок и жилист, в движениях быстр, характером же обладал вьедливым и скандальным. Как терпели плотники его крикливость и придиричивость, совершенно непонятно, но терпели. Может, потому, что мастером Сучок был отменным. В-третьих, нажив к тридцати с небольшим годам роскошную плешь и имея совершенно заурядную внешность, блудлив был плотницкий старшина, как мартовский кот, неизменно оправдывая свое распутство пословицей «Кривое дерево в сук растет».

Пользуясь несомненным успехом у прекрасной половины рода человеческого, Сучок снискал себе столь же несомненную нелюбовь половины мужской. Подчиненные Сучка довольствовались лишь тем, что произносили прозвище своего старшины с двойным, а то и с тройным «С». Все же остальные то и дело норовили Сучка поколотить, в результате чего он, не став более благонравным, наработал изрядные навыки драчуна и приобрел привычку нигде и никогда не расставаться с засапожником и топором.

* * *

Оценить незаурядность личности Сучка ратникам довелось почти сразу же после прибытия артели в Ратное — в начале мая. Началось все с того, что плотницкий старшина воспылил страстью к вдове Алене. То, что ростом он был Алене всего лишь подмышку, Сучка ни в малейшей степени не смущало. Чтобы оправдать свои отлучки со стройплощадки, он изобразил необыкновенную набожность, которая, впрочем, мало кого ввела в заблуждение. Большую часть времени Сучок проводил не в церкви, а возле дома Алены.

Почти все женское население Ратного (и часть мужского) с нетерпением ждало столкновения последнего ухажера Алены (того самого ратника третьего десятка, публично битого поленом) с новым претендентом на ее благосклонность. И сие эпохальное событие впоследствии не замедлило.

Битый поленом ухажер физическими статьями Сучка превосходил, к тому же был ратником, поэтому серьезного сопротивления от «штатского» не ожидал, за что и поплатился — сначала оказался лежащим на земле с расквашенной физиономией, а потом, при попытке подняться, получил еще сапогом под ребра.

Увиденное очень не понравилось двум его коллегам из третьего десятка, и тут Сучок на своей шкуре ощутил, что такое военные профессионалы. Буквально через несколько секунд он свалился под забором, предварительно крепко приложившись к шершавым бревнам лысиной.